

ОБ ЭМИГРАНТАХ — в ПОМПОЛИТ

В 1910 — большая группа немцев-эмигрантов прибыла в Сибирь, получив возможность заниматься сельским хозяйством на новых землях: распахали степи, вырыли колодцы, поставили дома, посадили вокруг поселков леса. В 1920-х — с установлением в Сибири советской власти началось разорение семей, хотя излишки сдавались государству без принуждений: отбирался хлеб, картофель, мука по хлебозаготовкам; продавался скот и сельскохозяйственный инвентарь. Представители немцев обратились в немецкое посольство за помощью в выезде из СССР и возвращении на родину. В ночь с 22 на 23 ноября 1929 — арестованы, погружены в вагоны и отправлены на запад. В начале января 1930 — в Помполите было получено письмо с просьбой о помощи¹.

«Москва. 1930 года 3 января.

Нас забрали здесь ночью с 22 на 23 ноября <1929 года>.

Дети наши лежали больными. Брали всех и в том числе женщин, которые несколько дней до этого рожали. Одну женщину в I партии, которую забрали на неделю раньше, положили со своим однодневным ребенком на автомобиль и повезли в теплушку, где она и умерла. Нас всех тоже толкали с маленькими детьми в холодные вагоны, в которых постельные принадлежности прилипли к мерзлым стенам теплушки. Хлеб нам иногда давали в 2 дня по 500 грам<м> на едока. Так мы ехали медленно, медленно по 45 человек в теплушке при 30° до 40° мороза. Там больные дети, болевшие корью, скарлатиной и коклюшем, лежали среди здоровых, распространяя среди последних заразу. Много детей умерло в вагонах, много по прибытии в наш окружной город Славгород. Всего мы были в пути из Москвы до Славгорода 12 дней. В Славгороде нас поместили за городом у какого-то кирпичного завода в тюрьме. Из Омска мы уже ничего не ели и в Славгороде первый день тоже ничего не получали, так что нашим изголодавшим детям пришлось ложиться спать без куска хлеба. На другое утро нас выгнали из этого помещения и, несмотря на сорокоградусные морозы, посадили нас на брочки с нашими детьми, несмотря на то, что некоторые из них лежали при смерти и умерли на дороге. Одно дитя уже умерло, и отец просил оставить его, пока однолетний сын не умер. Но нам представитель Админ<истративного> отдела говорил: "С Вами нет никакой пощады, и, если Вы недобровольно поедете, мы Вас силой выбросим на мороз". И бедному отцу пришлось ехать со своим умирающим сыном, и малютка умер на дороге при 40 градусах мороза. Так умерло немало детей из Москвы до родины. Многим приморозило руки, нос или ноги. В нашем районном селе Гальбштадт много поместили в избу читальню, которую в эту зиму оттопили при нас в первый раз. Там же лежали они, эмигранты на мерзлом полу. Это лишь часть той жуткой картины, которую я лично видел. Когда же узнали о приезде в Славгород германского консула из Ново-Сибирска, холодную избу читальню немедленно вычистили от эмигрантов. Когда мы в Гальбштадте, нашем районном селе, потребовали хлеба, нам говорили: "Для Вас нет хлеба". Так мы приехали домой, где каждый представлен своей участи. Большинство живет на квартире у других. У кого осталось дома еще солома, мякина или сено, ему теперь это не разрешили получить, все было описано и конфисковано. Хлеба нам тоже не давали и только перед летним отъездом в некоторых поселках уже давали хлеба по требованию германского консула, но мы еще ничего не получили. В каком

¹ Исправлены некоторые ошибки и поставлены знаки препинания.

же положении те, которые остались на родине? Почти все тоже уже все продали, хлеб почти весь забрали хлебозаготовкой, в том числе и картофелем, семьи с 10 едоками остались при 20 пудах картофеля. За 1 пуд картофеля придется нам платить 2 рубля, за пуд муки 15 рублей, а потом еду очень трудно купить. Все оставшиеся на родине тоже продали лошадей, скот, с<ельско>х<озяйственный> инвентарь, домашние вещи, чтобы эмигрировать, и только у некоторых осталась 1 лошадь или коровенка. Теперь все ждут, с нетерпением ждут. Чего же ждут? Уже не ждут чего-нибудь хорошего в России и ждут только разрешения эмигрировать, потому что уже нет ни силы, ни веры для занятия земледелием. Мы раньше трудились, работали, сеяли, сколько только могли, и все излишки сдавали государству без принуждений, но теперь же нас разорили, разуверили, и от тех хороших слов обещаний при начале революции остались лишь одни разочарования. Мы засеяли сибирские голые степи 20 лет тому назад, распахали эти степи, обсажали поселки лесами, рыли 10-20 саженные колодцы, но теперь все это готовы бросить и оставить Россию, с которой мы уже сроднились, которую полюбили, когда нам давали в ней трудиться, работать и исповедовать нашу веру»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1719. С. 168-169 об. Автограф.